

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-4-3-14

Г.Ф. Матвеев, Е.Ю. Матвеева

**КОНСЕРВАТОРЫ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО
В 1914–1916 гг.**

G.F. Matveev, E.Yu. Matveeva

**CONSERVATIVES OF THE KINGDOM
OF POLAND IN 1914–1916**

Аннотация. Начиная с рождения независимой Польши в 1918 г. историки и публицисты ведут спор о том, кому принадлежит главная заслуга в этом самом значимом событии в новейшей истории польского народа. В период между мировыми войнами спор за первенство вели Ю. Пилсудский и Р. Дмовский, в социалистической Польше их на некоторое время потеснила Октябрьская революция в России, но уже в 1980-е гг. дискуссия возобновилась с новой силой. Компромиссное решение, предложенное профессором С. Кеневичем, не получило широкой поддержки. Начиная с 1990-х гг. наблюдается устойчивый возврат к довоенным подходам к проблеме. А тем самым вне поля зрения пишущих на эту тему авторов вновь остаются другие политические силы, помимо пилсудчиков и национальных демократов во главе с Р. Дмовским. В их числе и консерваторы Царства Польского, усилиями которых с сентября 1917 г. по 14 ноября 1918 г. шло строительство разрешенных Центральными державами государственных институтов Польского королевства, образованного актом императоров Вильгельма II Гогенцоллерна и Франца Иосифа Габсбурга от 5 ноября 1916 г. Вклад консерваторов явно недооценивается, более того, только они обви-

Матвеев Геннадий Филиппович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Matveev Gennady Filippovich, Doctor in History, Professor, Head, Department of the History of the Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

gformatveev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2320-3068

Матвеева Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН

Matveeva Elena Yurievna, PhD Candidate in History, Leading Research Fellow, INION RAS

len.mat2009@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6716-3697

няются в проведении соглашательской («угодовской») политики в отношении сначала российских, а затем германских и австро-венгерских властей, хотя и все другие политические партии в польских землях, за исключением Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, в начале XX в. также занимали соглашательские позиции. Более того, именно эти партии, объединяемые общим названием «активисты», откликнулись на манифест 5 ноября и послали своих представителей в состав Временного государственного совета Польского королевства. Консерваторы же в ноябре 1916 г. заняли выжидательную позицию и до сентября 1917 г. отказывались от политического сотрудничества с германскими и австро-венгерскими оккупационными властями.

Ключевые слова. Первая мировая война, Центральные державы, польский вопрос, Царство Польское, Р. Дмовский, З. Любомирский.

Abstract. Since the birth of independent Poland in 1918, historians and publicists have been arguing about who deserves the main credit for this most significant event in the modern history of the Polish nation. In the period between the world wars, the dispute for supremacy was fought between J. Piłsudski and R. Dmowski, in socialist Poland they were supplanted by the Russian October Revolution, but already in the 1980s the debate resumed with renewed vigor. The compromise solution proposed by Prof. S. Kieniewicz was not widely supported. Since the 1990s, there has been a steady return to pre-war approaches to the problem. Thus, political forces other than the piłsudniks and national democrats, led by R. Dmowski, once again remain outside the field of vision of the authors writing on this topic. Among them are conservatives of the Kingdom of Poland, through whose efforts, from September 1917 to 14 November 1918, the construction of the state institutions of the Kingdom of Poland was underway with the consent of the Central Powers. The Kingdom was formed by the act of Emperors Wilhelm II Hohenzollern and Franz Joseph Habsburg of 5 November 1916. The contribution of the conservatives is clearly underestimated; moreover, they alone are accused of pursuing a conciliatory (*Ugodian*) policy towards the Russian, first, and then the German and Austro-Hungarian authorities, although all other political parties in the Polish lands, with the exception of the social democrats of the Kingdom of Poland and Lithuania, also took conciliatory positions at the beginning of the 20th century. Moreover, it was these parties, which were united under the general name of “activists”, who responded to the manifesto of 5 November and sent their representatives to the Provisional State Council of the Polish Kingdom. The conservatives, on the other hand, took a wait-and-see attitude in November 1916 and refused political cooperation with the German and Austro-Hungarian occupation authorities until September 1917.

Keywords: First World War, Central Powers, polish question, Kingdom of Poland, R. Dmowski, Z. Lubomorsky.

* * *

Самым значимым событием в истории польского народа в XX в. стало обретение им государственности. Относительно его места в

польской истории разногласий между исследователями нет, но не всё так однозначно, когда речь заходит о силах и политиках, благодаря которым это произошло. В свое время профессор С. Кеневич предложил компромиссное решение спора: признать, что все польские политические силы и их лидеры работали на общую цель — обретение независимости своей родины¹. Это было весьма продуктивное предложение как с научной, так и с политической точки зрения, позволявшее завершить споры о том, кто из деятелей лично, какая социальная группа или политическая сила больше сделала для возрождения независимой и суверенной Польши, и заняться непредвзятым анализом проблемы. Этой возможностью согласились воспользоваться в полной мере только представители официальной в ПНР марксистской историографии, еще недавно приписывавшей главную заслугу в решении польского вопроса Великой Октябрьской социалистической революции в России². Отголоски позиции С. Кеневича слышны и в современной польской историографии³.

Примирительная концепция С. Кеневича не получила всеобщего признания у польских историков. До сих пор продолжают попытки ранжировать вклад по значимости, причем чаще всего во внимание принимаются только пилсудчики и национальные демократы (эндеки) и их вожди — Ю. Пилсудский и Р. Дмовский, иногда лидер национальных демократов не упоминается⁴. Что касается других сил, то их ставят на второй план или просто игнорируют. Следы этих политических сражений в польской историографии видны и в современной российской историографии⁵.

Завершение 123-летнего шествия поляков к независимости пришлось на время Первой мировой войны. Не будь ее, еще неизвестно, как долго политики из Царства Польского выводили бы поляков из «египетского плена». Именно Царства Польского, ибо, не

¹ *Kieniewicz S. Utrata państwowości i drogi jej odzyskania // Polityka. 1978. N 45. S. 14.*

² *Яблоньский Г. Великий Октябрь и независимость Польши. М., 1967.*

³ *Wysocki W.J. Idea niepodległości w kształtowaniu świadomości narodowej w polskiej literaturze historycznej (między tekstami kultowymi a wiedzą historyczną) // Niepodległość i Pamięć. 2001. T. 8. N 1(17). S. 12.*

⁴ Например, П. Лоссовский в работе о возрождении Польши рассказал о действиях Пилсудского до 11 ноября более чем на 20 страницах, хотя тот приехал в Варшаву из Берлина за день до этого. Из трех членов регентского совета лишь З. Любомирский был назван один раз. Не упомянут и Р. Дмовский (*Łossowski P. Jak Feniks z popiołów. Oswobodzenie ziem polskich spod okupacji w listopadzie 1918. Łowicz, 1998*).

⁵ См., например: Провозглашение независимости польского государства. — URL: https://studbooks.net/2199422/ekonomika/provozglashenie_nezavisimosti_polskogo_gosudarstva (дата обращения 14.01.23); *Иванов Ю.В. Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 гг. М., 2002.*

отрицающая патриотизма великопольских и галицийских лидеров и их усилий по сохранению польского характера своих регионов, следует признать, что в начале XX в. в массе своей они за независимость не боролись⁶.

Иное дело — главные политические силы Царства Польского: национальные демократы и так называемые независимцы⁷. Это их лидеры, Р. Дмовский и Ю. Пилсудский, в связи с оформлением Антанты и Тройственного соглашения решили, что в случае войны России с Германией и Австро-Венгрией может появиться шанс на существенное продвижение в решении польского вопроса, который в XIX — начале XX в. понимался как обретение польским народом независимости и государственности.

Относительно их концепций возрождения Польши ограничимся только общим замечанием: имея общую цель — воссоздание свободной Польши, — они различались в понимании путей ее достижения, т.е. в тактике, а не стратегии. Оба проекта были по своей сути соглашательскими. Только эндеки не стеснялись это продемонстрировать открыто: достаточно вспомнить работу Р. Дмовского «Германия, Россия и польский вопрос» 1907 г. А Пилсудский до начала Первой мировой войны предпочитал об этом не говорить, хотя тайно сотрудничал с австро-венгерской военной разведкой, а с 6 августа 1914 г. сотрудничество с Австро-Венгрией и Германией стало явным и продолжалось до июня 1917 г. И другие польские политические партии были соглашательскими («угодовыми»), потому что все они руководствовались политическим прагматизмом, продиктованным опытом борьбы за независимость в XIX в. Но при этом не переставали быть польскими патриотами. Одни лишь социал-демократы не грешили склонностью к «угоде», но они были неболь-

⁶ Этого не отрицают и современные польские исследователи, склонные к определенной героизации собственной истории. Например, А. Хвальба, оценивая позицию большинства политически активных поляков Австро-Венгрии, констатирует, что «для них государство Габсбургов было также польским государством и родиной» (*Chwalba A. Wielka wojna Polaków. 1914–1918. Warszawa, 2018*).

⁷ В канун войны этим термином объединялись различные политические группы из Царства Польского, планировавшие освободиться от российского господства с помощью Австро-Венгрии и Германии. В польской историографии вопреки общепризнанному значению термина их нередко называют ирредентистами (см., например: *Chwalba A. Op. cit. S. 268*). Принято считать, что ирредентизм — это «требование аннексии территорий, находящихся под суверенитетом данного государства, на основании того, что эта территория населена меньшинством, разделяющим национальную, религиозную или этническую близость с другим государством». Ирредентизм. — URL: <http://reut-institute.org/en/Publication.aspx?PublicationId=3259> (дата обращения 02.05.2019). Принимая польскую интерпретацию термина, следовало бы признать, что в тот момент польским государством была австрийская Галиция. Правильнее было бы называть их инсургентами или сепаратистами.

шой партией и не имели особого влияния на непролетарские слои общества⁸.

Традиционно лоялистами, соглашателями, «угодовцами» называют консерваторов. Во всех польских землях консерваторами были представители высшего сословия. В начале XX в. его составляли крупная земельная аристократия, крупные и средние помещики, высшие церковные иерархи, крупные промышленники, финансисты, верхушка интеллигенции⁹. Тон в этой группе задавали аристократы. К началу войны консерваторы открыто демонстрировали свою лояльность Габсбургам, Гогенцоллернам и Романовым, оставаясь при этом в основной своей массе польскими патриотами. Вполне уместно обобщение, что для них главным было «деланье дела», а не поиск ответа на вопрос, с кем его делать.

Пользуясь принадлежностью к правящим классам России, консерваторы Царства Польского вели в польском вопросе так называемую реальную политику, защищали свои интересы, но и содействовали, по возможности, улучшению положения соплеменников. Это особо наглядно проявилось в начале мировой войны, когда представители этой группы без промедления занялись налаживанием взаимодействия с русской администрацией и военными в оказании помощи местному населению. 1 августа 1914 г. председатель Земского кредитного общества князь В. Четвертинский выступил с инициативой заняться вопросами продовольственного снабжения Варшавы. Через два дня с этой целью был учрежден Гражданский комитет города Варшавы, которым фактически руководил сын участника польского восстания 1863–1864 гг., уроженец Нижнего Новгорода князь З. Любомирский. В связи со стремительным ростом числа ана-

⁸ Вот как об этом пишет А. Чубинский: «Они боролись с концепциями союза с кем-то из захватчиков, выступали против участия в войне и действовали в направлении революционного преобразования всей Европы. Польские революционеры участвовали в революционных событиях в России, в Германии и в Венгрии. Они внесли свой вклад в распад государств-захватчиков и в какой-то степени содействовали также созданию объективных предпосылок, способствовавших воссозданию польского государства. Но сами с этим лозунгом не выступали, поскольку были сторонниками образования Европейской Республики Советов» (*Czubiński A. Historiografia polska na temat odbudowy niepodległego państwa polskiego // Ewolucja systemu politycznego w Polsce w latach 1918–1998. T. I. Odbudowanie niepodległego państwa i jego rozwój do 1945 r. Cz. 1. Zbiór studiów. Poznań, 1999. — URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/show-content/publication/edition/158964?id=158964> (дата обращения 02.05.2023).*

⁹ Ш. Рудницкий, правда, делает акцент на том, что консерватизм в Польше изначально был помещичьим движением (*Rudnicki S. Działalność polityczna polskich konserwatystów 1918–1926. Wrocław, etc., 1981*). Но это вовсе не противоречит нашей расширительной трактовке высшего сословия, если принять во внимание, что именно аристократия и помещики были тем самым «высшим светом», попасть в который стремились многие, кто добился жизненного успеха.

логичных комитетов в провинции, уже 10 августа 1914 г. был создан Центральный гражданский комитет (ЦГК), в состав которого вошли деятели ряда представительных организаций землевладельцев, промышленников и финансистов. Комитеты в тесном контакте с русскими властями и при их финансовой поддержке занимались оказанием продовольственной и санитарно-гигиенической помощи населению, учетом ущерба от военных действий и т.д. Их активисты серьезно отнеслись к обещанию русского главнокомандующего великого князя Николая Николаевича создать после победы автономную объединенную Польшу в составе России. Они трактовали участие в работе комитетов как своего рода школу будущих руководящих кадров польской автономии. Через комитеты прошли такие видные деятели II Речи Посполитой, как президент Польши С. Войцеховский, премьер-министры В. Грабский и А. Пониковский, министр Ю. Миклович-Поморский, многие высшие государственные служащие и парламентарии¹⁰.

21 июля 1915 г. в связи с отступлением русской армии из Царства Польского многие члены комитетов, включая председателя ЦГК С. Четвертинского, его заместителя В. Грабского, С. Войцеховского, покинули Варшаву, передав руководство комитетским движением З. Любомирскому, изъявившему твердое намерение остаться дома. Буквально в последнюю неделю перед уходом из Варшавы русские власти разрешили городскому Гражданскому комитету организовать польские гражданскую стражу и гражданские суды, а 4 августа 1915 г. передали З. Любомирскому управление городом. Несомненно, эти шаги царской администрации объясняются доверием и к гражданским комитетам, и к З. Любомирскому лично, немаловажным было также желание русской администрации обеспечить порядок в городе в момент безвластия.

Видимо, этими же соображениями руководствовались занявшие Варшаву немцы, сохранив городской Гражданский комитет и назначив З. Любомирского президентом Варшавы. Для германских офицеров и чиновников, в немалой части выходцев из прусских юнкеров, вступление в контакт с польскими аристократами было делом естественным и несложным, поскольку помимо сословно-классовой близости существовали и кровнородственные связи. Например, родственники З. Любомирского из Великой Польши были породнены с Гогенцоллернами, а галицийская ветвь рода имела обширные связи при дворе Франца Иосифа. Поэтому не было ничего неожиданного в том, что уже в день занятия Варшавы немецкий подполковник

¹⁰ *Pajewski J.* Odbudowa państwa polskiego 1914–1918. Poznań, 2005. S. 59.

польского происхождения граф Б. Гутен-Чапский, которому было поручено обеспечивать связь германской администрации с польской верхушкой, встретился с З. Любомирским и вместе с ним нанес визит архиепископу Варшавскому А. Каковскому¹¹.

Но как только немцы сориентировались, что ЦГК пытается исполнять некоторые функции государственной власти, 12 сентября 1915 г. они его распустили. Оккупанты еще не были готовы давать далеко идущие авансы полякам Царства Польского. Для оказания помощи населению в течение 1916 г. были созданы общественные благотворительные организации во главе с Главным опекуном советом, получавшие поддержку из-за рубежа и от правительств Германии и Австро-Венгрии¹². Затем были ликвидированы Гражданские комитеты на местах. Лишь варшавский Гражданский комитет продолжил свою деятельность, а после проведения в июле 1916 г. выборов в органы городского самоуправления он трансформировался в магистрат.

Территория Царства Польского была разделена на две области оккупации: большую, германскую, с центром в Варшаве, и австро-венгерскую, с центром в Люблине. Каждая из областей возглавлялась генерал-губернатором, но их статус различался. Варшавский генерал-губернатор подчинялся премьер-министру Германии, люблинский — главному командованию этапов австро-венгерской армии. Это обстоятельство, наряду с другими, придавало немецкому генерал-губернатору в большей степени политический статус, по сравнению с его австро-венгерским партнером. Для пересечения установленной между оккупационными областями границы лицам старше 15 лет необходимы были паспорт, пропуск и оплаченная виза. Сохранялись и довоенные границы с Австро-Венгрией и Германией¹³.

Режим, установленный немцами и австрийцами в Царстве Польском, был вполне либеральным, особенно в политической области. Могли легально действовать даже партии, лишённые такой возможности до августа 1915 г., в том числе социалисты и социал-демократы. В этих условиях приобрел актуальность вопрос о том, какой позиции следует придерживаться: антинемецкой (за это выступали главным образом те, кто разделял взгляды Р. Дмовского на Германию как извечного и крайне опасного врага Польши и по-

¹¹ *Girzyński Z.* Arcybiskup warszawski Aleksander Kakowski wobec Aktu 5 listopada 1916 roku i jego następstw // *Akt 5 listopada 1916 roku i jego konsekwencje dla Polski i Europy.* Toruń, 2016. S. 42.

¹² *Chwalba A.* *Op. cit.* S. 239–249.

¹³ *Ibid.* S. 251–256.

ляков) или же начать сотрудничество с оккупационными властями. Первый лагерь известен как пассивисты. У вторых было два возможных сценария поведения. Первый — активное политическое взаимодействие с оккупантами в расчете на то, что они согласятся решить польский вопрос в Царстве Польском, а, возможно, и на бывших восточных землях I Речи Посполитой, которые в ходе ее разделов были включены непосредственно в состав России как ее Западный край. По этому пути пошли как откровенно прогерманские политики, группировавшиеся вокруг известного германофила В. Гизберт-Студницкого, так и довоенные независимцы. Этот лагерь известен как активисты. Руководство Польской военной организации (ПОВ) сразу после прихода немцев в Варшаву даже намеревалось легализовать организацию, и только прямой запрет Ю. Пилсудского помешал это сделать в 1915 г.

По-иному повели себя группировавшиеся вокруг президента Варшавы З. Любомирского консерваторы, не спешившие примыкать ни к активистам, ни к пассивистам. Архиепископ А. Каковский так описывал позицию лидера этой политической группы князя З. Любомирского накануне оглашения акта 5 ноября 1916 г. об образовании Польского королевства: «4 ноября ко мне прибыл князь Здзислав Любомирский, президент города, чтобы обсудить участие в провозглашении акта независимости Польши... По мне, говорил князь-президент, этот акт недостаточен. Нужно пойти в Замок и выслушать заявления, но не следует выражать радость, потому что для этого нет серьезных поводов. Вежливо поклонимся за услышанную приятную новость и всё...»¹⁴. Каковский не разрешил проводить по случаю обнародования акта 5 ноября благодарственный молебен в кафедральном соборе Варшавы. При этом, пользуясь постепенно расширяющимися властными полномочиями и своим аристократическим статусом, консерваторы легко входили как в светские, так и деловые контакты с немецкой и особенно австрийской оккупационными администрациями. Но сотрудничали с немцами и австрийцами только в вопросах удовлетворения повседневных нужд населения Царства Польского. Они не подталкивали оккупантов к решительным шагам в польском вопросе и каких-либо политических обязательств в отношении оккупационной администрации на себя не брали¹⁵.

¹⁴ Aleksander Kakowski — posłaniec wolności: zeszyt dokumentacyjny. Warszawa, 2017. S. 61.

¹⁵ *Kasprowicz K. Zdżisław Lubomirski — od prezydenta Warszawy do regenta w czasie Wielkiej Wojny // Koło Historii. Czasopismo afiliowane z Instytutem Historii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie. Lublin, 2016. N 19. S. 87–93.*

Заняв такую позицию, консерваторы, в отличие от активистов, формально не нарушали присяги на верность Николаю II¹⁶, и поэтому им не грозило обвинение в государственной измене в случае возвращения русских властей. Какую-то роль в их поведении играло и то, что большая часть имений того же Любомирского находилась в Западном крае. А исполнение им функций президента Варшавы предательством не было, тем более что на эту должность он был назначен одним из последних распоряжений русской администрации накануне оставления ею Варшавы. Таким образом, консерваторы Царства Польского, продолжая привычную для себя «угодную» линию поведения в отношении существующей власти, ограничили взаимодействие с ней исключительно вопросами материальных условий жизни своих сограждан и поддержания общественного порядка. Инициативу налаживания политического сотрудничества с оккупантами они оставили своим политическим оппонентам из лагеря активистов, которые на самом деле были теми же угодниками, но только по отношению к Вене и Берлину, а не Петрограду.

Что касается большинства поляков, то они предпочитали не примыкать ни к активистам, ни к пассивистам, объясняя свое безразличие, по словам А. Хвальбы, тем, что чувствовали себя как заключенные при смене надзирателей¹⁷.

Пик сотрудничества активистов с оккупантами пришелся на время после достижения в августе 1916 г. принципиального согласия между Берлином и Веной в вопросе о создании из Царства Польского

¹⁶ *Stempin* A. Próba “moralnego podboju” Polski przez Cesarstwo Niemieckie w latach I wojny światowej. Warszawa, 2013. S. 104. В конце декабря 1916 г. З. Любомирский обратился через нейтральную Швецию к Николаю II с письмом следующего содержания: «Помня о взятом на себя обязательстве, я до настоящего времени с опасностью для жизни твердо стоял на занятой позиции. Но времена изменились, я поляк, меня зовет Отчизна — отказываясь от предлагаемой мне власти, я могу самому дорогому для меня делу навредить — если же я возьму на себя ответственность, то могу уберечь от далеко идущих ошибок. Сам реши, Ваше величество, как мне поступить? Я разделяю догмат независимой Польши, я противник армии и объявления войны России — этого я бы хотел избежать». 25 января 1917 г. Любомирский получил от Николая II через В. Велёпольского следующий ответ: «Скажите ему, что я его благодарю, что я ему доверяю и прошу его делать все, что он сочтет полезным для блага края» (*Pamiętnik księżnej Marii Zdzisławowej Lubomirskiej (1914–1918)*. Poznań, 1997. S. 463).

¹⁷ Этой образной характеристикой Хвальба пытается преодолеть двойственность своей оценки настроений в Царстве Польском после его оккупации Центральными державами. Отметив ослабление солидарности с российскими захватчиками и прежней сильной веры поляков в непобедимость России, он тут же отрицает какие-либо радикальные перемены в настроениях польского населения, после чего признаёт, что многие уже «перестали рассчитывать на Россию, что не значит, что они стали рассчитывать на Берлин и Вену» (*Chwalba* A. *Op. cit.* S. 265).

союзного им Польского королевства¹⁸. Об обстоятельствах принятия ими этого решения существует немало работ, одна из последних вышла в свет к 100-летию этого события¹⁹. Причин такого шага много. Вот как их определил германский канцлер Т. Бетман-Гольвег на секретном заседании бюджетной комиссии рейхстага 9 ноября 1916 г.: «Провозглашение Польши обеспечит нам лояльность поляков, восполнит потери в полках, позволит ввести новые налоги, наконец, даст право управлять этой страной. Потому что только мы будем управлять созданной Польшей, о другой форме нечего и думать. Лежащие к востоку территории — это естественные территории для будущей колонизации... Зависимое от нас, малюсенькое польское государство... будет всегда таким слабым, что не может быть и речи о какой-либо более значимой роли. Скоро придет время, когда поляк поймет, что ему остается только одно: стать немецким гражданином по духу и языку»²⁰. Одной из главных сиюминутных причин были надежды Берлина и Вены на пополнение своих вооруженных сил поляками Польского королевства. Согласно переписи населения, на территории Царства Польского проживало более 1,4 млн мужчин, годных к военной службе. Некоторым военным уже виделись 50 новых дивизий, которые должны были принести победу Центральным державам²¹. Что же касается выбора момента оглашения акта о самостоятельности, то об этом, пожалуй, наиболее точно и с глубоким знанием дела написал в своих мемуарах Т. Бетман-Гольвег: «...польский вопрос оставался без движения так долго, как долго взаимоотношения трех империй не изменялись коренным образом...

¹⁸ Использование нами именно такого названия продиктовано желанием избежать смешивания его с Королевством Польским, созданным на Венском конгрессе 1815 г.

¹⁹ Akt 5 listopada 1916 roku i jego konsekwencje dla Polski i Europy. Toruń, 2016.

²⁰ Цит. по: *Chwalba A.* Op. cit. S. 278. Исходя из сказанного, вряд ли можно согласиться с А. Хвальбой, что «в 1916 г. появился еще один аргумент в пользу создания Польского королевства, а именно, возрастающая активность польского движения сторонников независимости. Оккупанты не хотели, чтобы ирредентисты поставили на альянтов» (*Chwalba A.* Op. cit. S. 279). Ситуация была прямо противоположной. Пилсудский разуверился в перспективах легиона и подал летом 1916 г. рапорт об отставке. ПОВ, по словам того же Хвальбы, «развивалась из месяца в месяц, хотя и неспешно» и насчитывала в июле 1916 г. 5057 человек (*Ibid.* S. 270). Вряд ли перспектива переориентации относительно небольшой группы независимцев на Антанту, да еще в условиях успехов Центральных держав на фронтах, настолько тревожила Берлин и Вену, что они решились пойти на прямое нарушение международного права.

²¹ *Kasprowicz K.* Op. cit. S. 94. Безелер рассчитывал привлечь в армию в мирное время 200 тыс. добровольцев, а в военное время даже 800 тыс. (*Chwalba A.* Op. cit. S. 278).

Теоретически лучше всего было бы оставить эту проблему без решения на протяжении войны. Однако после того как война не была прервана в одной из начальных фаз, не позже первых месяцев 1915 г., не могло быть и речи о *partie remise*»²².

Таким образом, польский вопрос оставался без движения до момента, пока существовала надежда на заключение сепаратного мира между Россией и Центральными державами. Чувствуя это, консерваторы не торопились отказываться от ориентации на Россию.

References

Aleksander Kakowski — *posłaniec wolności: zeszyt dokumentacyjny* [Aleksander Kakowski as a Freedom Envoy: A Documentary Notebook]. Warszawa: Muzeum Niepodległości, 2017. 316 p.

Chwałba A. *Wielka wojna Polaków* [The Great War of the Poles]. 1914–1918. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2018. 451 p.

Czubiński A. *Ewolucja systemu politycznego w Polsce w latach 1914–1998* [Evolution of the Political System in Poland, 1914–1998]. T. 1. *Odbudowanie niepodległego państwa i jego rozwój do 1945 r.* [Reconstruction of the Independent State and Its Development until 1945]. Cz. 1. *Zbiór studiów* [A Collection of Studies]. Poznań: Terra, 1999. 320 s. — URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/show-content/publication/edition/158964?id=158964>

Girzyński Z. *Arcybiskup warszawski Aleksander Kakowski wobec Aktu 5 listopada 1916 roku i jego następstw* [Aleksander Kakowski, Archbishop of Warsaw, in the Face of the Act of 5 November 1916 and Its Aftermath] // *Akt 5 listopada 1916 roku i jego konsekwencje dla Polski i Europy* [The Act of 5 November 1916 and Its Consequences for Poland and Europe]. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń 2016. S. 40–58.

Irredentizm [Irredentism]. — URL: <http://reut-institute.org/en/Publication.aspx?PublicationId=3259>

Ivanov Yu.V. *Ocherki istorii rossiysko (sovetsko)-pol'skikh otnosheniy v dokumentakh. 1914–1945 gg.* [Essays on the History of Russian (Soviet) – Polish Relations in Documents. 1914–1945]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2014. 381 p.

Jabłoński G. *Velikiy Oktyabr' i nezavisimost' Pol'shi* [The Great October and the Independence of Poland]. Moscow: Progress, 1967. 125 p.

Kasprowicz K. *Zdzisław Lubomirski — od prezydenta Warszawy do regenta w czasie Wielkiej Wojny* [Zdzisław Lubomirski: From President of Warsaw to Regent during the Great War] // *Koło Historii. Czasopismo afiliowane z Instytutem Historii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie*. 2016. N 19. P. 85–113.

Kieniewicz S. *Utrata państwowości i drogi jej odzyskania* [Loss of Statehood and Ways to Regain It] // *Polityka*. 1978. N 45. P. 8.

Łossowski P. *Jak Feniks z popiołów. Oswobodzenie ziem polskich spod okupacji w listopadzie 1918* [Like a Phoenix from the Ashes. The Liberation of the Polish Lands from Occupation in November 1918]. Łowicz: Mazowiecka Wyższa Szkoła Humanistyczno-Pedagogiczna, 1998. 287 p.

²² Sokolnicki M. *Polska w pamiętnikach Wielkiej wojny. 1914–1918*. Warszawa, 1925. S. 11–12.

Pajewski J. *Odbudowa państwa polskiego* [Reconstruction of the Polish State] 1914–1918. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2005. 353 s.

Pamiętnik księżnej Marii Zdzisławowej Lubomirskiej [Diary of Princess Maria Zdzisławowa Lubomirska] (1914–1918). Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1997. 747 p.

Provozglasheniye nezavisimosti pol'skogo gosudarstva [Proclamation of Independence of the Polish State]. — URL: https://studbooks.net/2199422/ekonomika/provozglashenie_nezavisimosti_pol'skogo_gosudarstva

Rudnicki Sz. *Działalność polityczna polskich konserwatystów* [Political Activity of Polish Conservatives]. 1918–1926. Wrocław, etc.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1981. 284 p.

Sokolnicki M. *Polska w pamiętnikach Wielkiej wojny* [Poland in the Diaries of the Great War]. 1914–1918. Warszawa: Biblioteka Polska, 1925. 678 p.

Stempin A. *Próba “moralnego podboju” Polski przez Cesarstwo Niemieckie w latach I wojny światowej* [The Attempted “Moral Conquest” of Poland by the German Empire during the World War I]. Warszawa: Neriton, 2013. 652 p.

Wysocki W.J. *Idea niepodległości w kształtowaniu świadomości narodowej w polskiej literaturze historycznej (między tekstami kultowymi a wiedzą historyczną)* [The Idea of Independence in the Formation of National Consciousness in Polish Historical Literature (between Cult Texts and Historical Knowledge)] // *Niepodległość i Pamięć*. 2001. T. 8. N 1 (17). P. 5–15.

Поступила в редакцию
14 апреля 2023 г.